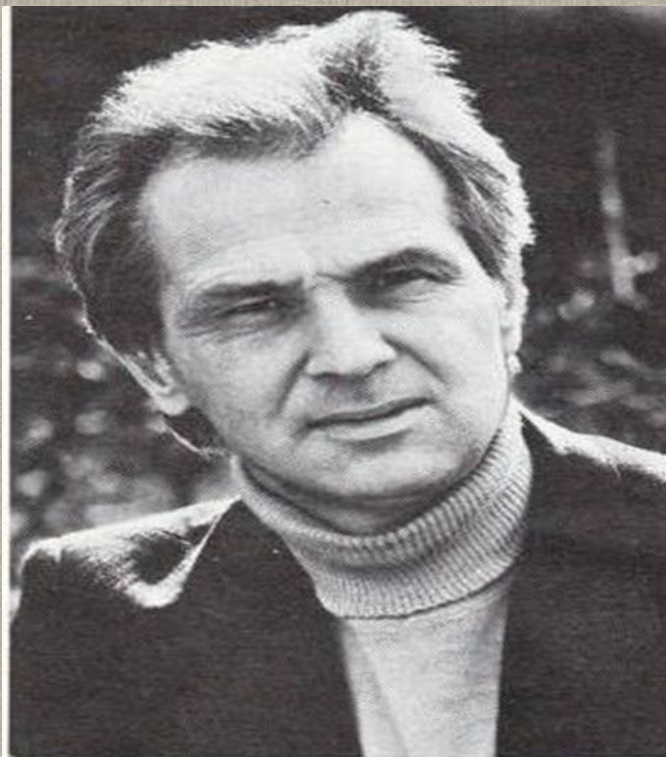

Прозвище – «Курский соловей»

Александр ГОВОРОВ

Подготовила:
учитель начальных классов
МКОУ «Тимская СОШ
им. Н.В. Черных»
Клевцова Любовь Евгеньевна

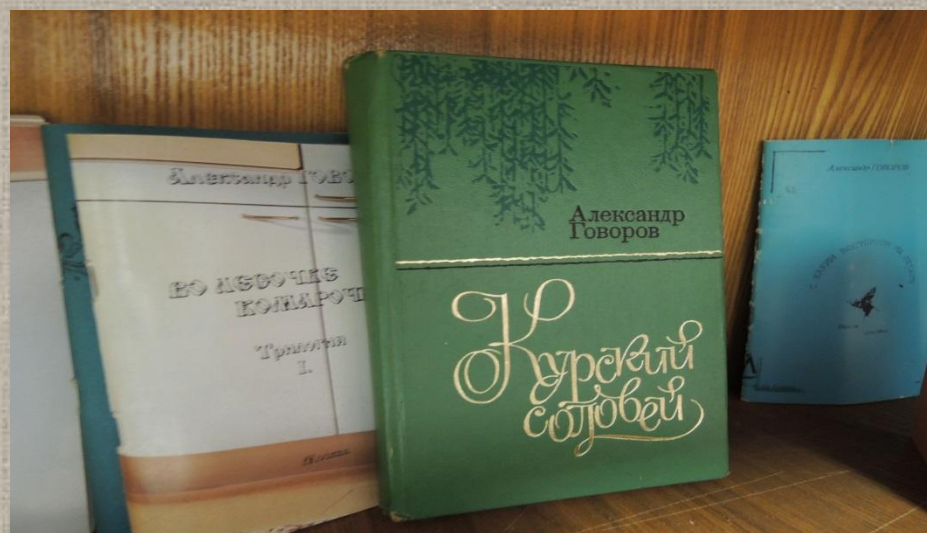
А.А. Говоров

Александр Александрович Говоров родился 15 марта 1938 года в посёлке Тим Курской области. Раннее детство его прошло в оккупации. В 1957 г. призван в ряды Военно-Морского Флота СССР. В следующем году стал участником совещания армейских и флотских поэтов в Киеве. Стихи - взрослые и детские - понравились академику, поэту М.Ф. Рыльскому по рекомендации которого матроса Говорова направили на учёбу в Москву.

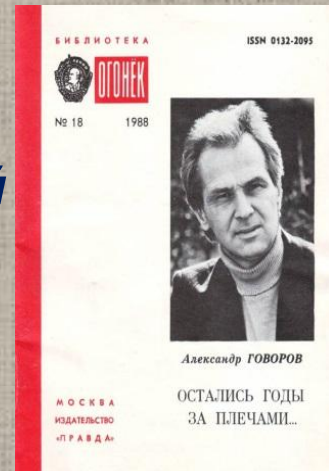
Александр Говоров — наш земляк, уроженец Тима. Он автор около сотни книг лирики и поэм, стихотворений для детей и повестей в прозе. Его лирика привлекает любителей прекрасного и непосредственностью образов, подсказанных поэту родными тимскими местами, и той естественностью, с которой в его стихотворения входят милые ему с детства слова и обороты.

«У меня на родине...»

- У меня на родине,
На Курщине моей,
В каждой огородине
Свой
 соловей.
В каждом огороде
Хвалят певца.
А деды, собравшись,
Хвастаются.
Лодочкой ладошки —
Мол, слух не тот.
Станут у картошки —
Чей лучше поёт.
Стоят.
Молчат.
Волнуются.
А соловьи
Соревнуются.

- В сочных коленцах
Смородиновый куст:
— Ай,
 не ленится!
Ай,
 хлюст!...
Знать, не зря
Поклевал соловей
Знатных,
Отборных,
Курских конопей.
У меня на родине,
На Курщине моей,
В каждой огородине
Свой
 соловей.

«Первая книга»

- Первая книга лирики «Веснянка» вышла в 1960 г. в Курске с предисловием прекрасного поэта Н.Н. Ушакова. Вслед за ней он издал в Москве 30 книг лирики и поэм, а также книг для детей и семь остросюжетных повестей в прозе. Стихи его переводились на многие иностранные языки и языки народов СССР.
- А.А. Говоров – трижды лауреат премии журнала «Огонёк»

Наши земляки

Прозвище — «КУРСКИЙ СОЛОВЕЙ»

С поэтом Александром Говоровым у коллектива районной библиотеки давняя дружба. Когда бы он ни приезжал в отпуск, обязательно нас навестит. В антологии русской поэзии Говоров заявил о себе звучными стихами:

*У меня на родине,
На Курщине моей,
В каждой огородине
Свой соловей!*

После этого стихотворения к нему сразу же прилипло прозвище «Курский соловей».

Родился наш звонкий поэт в Тиме 15 марта 1938 года. Стихи писать начал рано. В 15 лет Александра Говорова пригласили в Курск на совещание молодых поэтов. Его поэзия удивляла знатоков. Ведь детские стихи — это особое искусство, их писали довольно зрелые поэты.

Александр Говоров без всяких усилий вошел в большую литературу, когда звенели на трехсотмиллионную державу стихи таких выдающихся мастеров, как Николай Асеев, Александр Прокофьев, Александр Твардовский, Ярослав Смеляков.

Его биография проста и обычна. Окончил Тимское педучилище, работал в РК ВЛКСМ зональным секретарем-инструктором, корреспондентом районной газеты, затем служба в рядах ВМФ. Прослужил недолго; послал стихи в окружную военную газету, после чего был приглашен на совещание армейских и флотских писателей. Там Говорова заметил академик, поэт Максим Рыльский, по его ходатайству вышел приказ: матроса Говорова демобилизовать досрочно и отправить на обучение в Москву в Литинститут им. Горького. Подписи: Хрушев, Малиновский.

Таланту и звезды светят, и нужные люди встречаются. Говорову долго не изменяла удача, как и он не изменял поэзии. Москва приняла радушно, но к экзаменам не допустили. На вопрос, был

ли в оккупации, Говоров с гордостью заявил: «Был!» Забрал документы, отправился в «Комсомолку», где прямо в лифте встретил поэта Сафонова, который тут же и привел молодого матроса в большую, взрослую литературу. Сначала — в «Огонек». С того 1959 года

Говорова последовательно «открывали» и печатали почти все газеты и журналы страны. 12 апреля 1961 г. его приняли в Союз писателей. В детской телепередаче «Будильник» А. Говоров был и автором, и ведущим; покорила огромные залы на легендарных поэтических концертах звезд шестидесятых.

А в 1969 г. вышла его книга «Беседа», и поэма «Во лесочке комарочков» произвела фурор в литературном мире, переиздавалась, переводилась на множество языков. Это признанное гениальное произведение, похоже, остается лучшим творением Александра Говорова.

Теперь поэт творит безглагольные венки сонетов — поэтическое открытие, родившееся из классических стихов Фета. Венки эти — и поэтическая биография, и искусные памятники России ее удивительным людям, ее уникальной истории, ее божественной природе.

Друзья-ценители помогают издавать сонеты в виде брошюрок-малюток, и с ними Александр Говоров выходит на Гоголевский бульвар, где теперь вернисаж. Есть соратница-жена, есть взрослый сын Александр, и тоже литератор.

В этом году поэт откликнулся на наше письмо и прислал авторские книги в библиотеку. Читатели имеют возможность их взять и почитать. Обо всех его произведениях рассказать невозможно, поэтому мы приглашаем вас в нашу библиотеку.

Н. КУРАКУЛОВА,

директор муниципального учреждения культуры «Межпоселенческая библиотека Тимского района»

— Дорогой Александр, тебе пришлось «пробиваться» в большую литературу, когда звенели на всю трёхсотмиллионную державу такие выдающиеся мастера, как Николай Асеев, Александр Прокофьев, Александр Твардовский, Ярослав Смеляков... и всё-таки ты не затерялся. Легко ли было? Или ставили «подножки», как трактуют некоторые сегодня молодым, приехавшим из глухой провинции?

— Азнаешь ли, Аршак, это очень коварный вопрос. В чём парадокс? Да в том, что я никогда не проходил по «разнарядке» «молодые», вероятно, потому, что я и «взрослый», и «детский» поэт!.. Так уж устоялось в сознании читателя, что для детей пишут лишь бабушки и дедушки, которым эдак под семьдесят-восемьдесят лет! Так и вошёл я в литературу, как «поэт дедушка Саша Говоров!» Доходило до курьёзов. Я зачастую по восемь-десять месяцев в году проводил в командировках, в основном любил ездить от журнала «Огонёк». С гостиницами всегда было туго, но существовала в областях «обкомовская», а в союзных республиках «цексовская» бронь... Подойдёшь, бывало, к солидной даме-администраторше. Она тебе сразу: «Местов нет и не будет!» Я ей тихонько: «А для московского «поэта дедушки Саши Говорова есть?» Она тут же грозно: «Для Говорова есть, для вас нет и не будет!» Тогда я протягиваю командировочное удостоверение, писательский билет, кроме паспорта. Она с таким недоверием изучает документы, что наконец даже шея покрывается чёрно-бордовыми пятнами: «Ая... думала, что вам лет восемьдесят, ну, никак не меньше, чем мне... ведь ваши стихи... мои дети знают наизусть...» Да что уж там администраторши, если моя будущая жена, как никто другая знающая поэзию, сама писательская дочка-внучка, была убеждена, что я глубоко пожилой поэт, а познакомились мы с ней ещё до моего тридцатилетия, вот и про-

С поэтом Александром Говоровым у меня давняя дружба. Он охотно приезжал к нам, на Дон, ещё лет тридцать назад на знаменитый Семикаракорский День поэзии, который организовывал один из первых певцов казачества, поэт, прозаик, киноактёр, незабвенный Борис Куликов.

По-есенински красивый курянин Саша Говоров (да простят меня читатели за панибратство!), один из самых молодых в ту пору членов Союза писателей СССР, уже заявивший о себе в Антологии русской поэзии звучными стихами:

*У меня на родине,
На Курище моей,
В каждой огородине
Свой
словей!*

Овеанный Всесоюзной славой — публикациями в журналах «Огонёк», «Юность», «Молодая гвардия», «Октябрь», «Москва», «Мурзилка», Александр прикипел душой к полынным степным просторам Донщины, которая стала источником его талантливых поэм и стихов.

С автором более тридцати поэтических и прозаических книг Александром Говоровым, вышедших в лучших издательствах страны, встретился наш корреспондент.

ДЕДУШКА В ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

в Москву, в Литинститут имени Горького! Это был единственный случай в истории Вооружённых Сил СССР! С блеском пройдя творческий конкурс, я «засыпался» на собеседовании приёмной комиссии. На вопрос: «Был ли в оккупации», с гордостью ответил: «Был! Наша «доблестная» понача-

Пока я так красочно живописал все прелести оккупации, Софронов мрачнел. Наконец он нажал на кнопку: «Анна Алексеевна, — рявкнул он вошедшей. — Немедленно созови меня с ректором... Серёгин? Что там у вас с поэтом Говоровым стряслось, Иван Николаевич? Да, да! У меня... «Огонёк» ни-

председатель творческого объединения поэтов Москвы, готовить документы в СП СССР!.. 12 апреля 1961 года, в День полёта Юрия Гагарина, меня и Булата Окуджаву на Бюро единогласно приняли в СП! От «Огонька» к этому времени по моей инициативе мне выделили в журнале две страницы «Для ма-

А тут, естественно, добавились ещё и бесчисленные софронские, да и вёл я себя сверхнезависимо, даже вызывающе! Особенно подпортило мою репутацию среди «писательской общественности» мое неподготовленное выступление на Совещании творческой интеллигенции Москвы,

цать лет и три года!..

«Подножки»? Москва ставила? Да что ты, дружка ты мой дорогой! Абсолютно никто, нигде и никогда! Москва меня так обласкала, что душу свою распахнула мне, предоставив все лучшие издания и издательства, лучшие библиотеки, сцены лучших дворцов (почитателей, зачастую, с трудом сдерживала конная милиция), вселила в лучшую квартиру, подарила лучшую жену и лучшего сына! Как сорок с слинком лет назад приветилась она, и не отпускает, властно требуя (а я и не сопротивляюсь) от меня лишь одно: «Живи у меня, в Москве, да пойд!»

Всё это, безусловно, эмоции! Нужны факты.

Начнём, Аршак, из-за такта. Я вошёл во Дворец, имя которому Великая русская советская литература, который вольготно заселяли великаны, и приняли они меня как равный равного, без унижительных скидок на молодость-неопытность.

Так вот, после окончания педучилища меня в восемнадцать лет пригласили работать в РК ВЛКСМ зональным секретарём-инструктором. Я и проработал всего три месяца — на райконференции выступил против... первого секретаря райкома партии, который вёл себя в районе, как Держиморда! Меня, естественно, тут же и уволили... в райгазету, а того... через пару лет из райкома и из рядов КПСС! Оставшись за редактора, я раздолбал в едчайшем фельетоне его племянника — в результате во время осеннего призыва с должности учителя... пеня попал в ряды ВМФ в часть особого назначения Флота, на полуостров Рыбальский, под Киевом! Послал стихи в военную окружную газету «Ленинское знамя» — меня пригласили на совещание армейских и флотских писателей Киевского военного округа. На творческом семинаре их так высоко оценили, что ими и матросом заинтересовался академик-поэт Максим Рыльский, по ходатайству которого Правительство СССР досрочно демобилизовал матроса Говорова за стихи, направило на учёбу

них южак не успел убежать от немца, эвакуироваться!» Меня после такого ответа даже не допустили к сдаче экзаменов. И вот, оплываный свободой, забрал документы и двинул в «Комсомолку». Войдя в лифт, уже нацелился было нажать кнопку шестого этажа, где располагалась газета, но дежурная окликнула меня, попросив подождать чуть-чуть... в лифт шествовал солидный красавец в шляпе и с портфелем: «Куда, матрос?» — «В «Комсомолку» — мрачно буркнул я. — «Стихи?» — «Авам какое дело?... Ну, стихи!» — «Тогда поедем ко мне», — и нажал на седьмой этаж. Я выматерился и попытался нажать на шестой, но лифт уже остановился на седьмом. Читая вьюску — «Огонёк!» В приёмной главного на стульях чинно беседовало полдесятка посетителей. Все тут же встали, поздоровались. Но вальяжный полугучки полубоялся меня, пообещал всех принять, а секретарше бросил: «Пока не беспокоить». «Т-так, садись напротив и давай стихи, мрачный матрос!» Я протянул ему кипу стихов. Он быстро прочитал, отложил несколько страниц в сторону: «Вот это, это и это я забирю для журнала. Нигде не публиковались?» — «Да я впервые в Москве». — «Вот этой подборкой мы и откроем первый, самый престижный номер. А теперь рассказывай, что такой мрачный?» Я и вывалил ему всё да ещё и с картинками, мол, за стихи Хрущёв и Малиновский демобилизовали и направили в Москву, на учёбу, а классики Рыльский, Сосюра, Ушаков ещё и в Литинститут рекомендовали... а тут даже к экзаменам не допустили по шестому грёбаному пункту: был ли в оккупации, как будто это я, трёхлеток, немца да Москвы допустил. Как будто не меня дважды на расстрел водили вместе с сестрёнкой, мамой и тёткой, как будто я по собственному хотению с голоду опухал-подыхал, как будто я мечтал попасть в детский приют-концлагерь, где из детишек выкачивали кровь для немецких офицеров, а трупики наши откармливали немецких оварок!..

вал! Настаиваю! Мало вам Рыльского! Мало вам Сосюру! Мало Ушакова! Возьми подличный контроль, Иван Николаевич!.. Да, да, и комматку в общежитие, а то он в матросской, довольно потрёпанной форме щеголял, валяясь по вокзалам!» Он бросил трубку. Встал. Вернул стихи, оставив одобренные: «Поезжай и сдавай экзамены...», затем широко распахнул двери. «Входите, входите. Я хочу вам пре-д-ставить новое имя в поэзии — поэт Саша Говорова. Курский соловей. Совершенной невероятная судьба! Рассаживайтесь. Рисните, Саша, прочитай пару-тройку». И я впервые в стенах вождельного «Огонька» прочитал «Курских соловьёв», «Летя журавли» и «Матрёну» (ту «Матрёну», с которой спустя годы спил Солженицын свой «Матрёнин двор»!). Ему даже сам Твардовский указывал на это при свидетеле Сергея Воронине, он, к счастью, ещё жив и может засвидетельствовать сей факт!), а слушатели были — сума сойти! — Сельвинский, Кирсанов, Прокофьев и тончайшие, специально забытые лирики Дмитрий Ковалёв и Василий Кулеми! Апофеозом той первой встречи стал такой аванс в любимом журнале, на который я не только смог шикарно приобрести, но и корову маме купить...

Вот такие «подножки» мне с первых же шагов ставила Москва! А дальше пошло, как по накатанному — моими стихами 1959 год открыли, кроме «Огонька», и «Крестьянка», и «Мурзилка»... (на пленуме СП СССР Агния Барто отметила, как лучшие стихи года!) Москва мне благосклонно соизволила выпустить первую книжку «Веснянка» на родине, в Курске, с предисловием Николая Ушакова! Несмотря на малый — чуть больше листа — объём и небольшой тираж — 2 тысячи экземпляров — она стала литературным событием! Ярослав Смеляков тут же позвонил в общежитие и вслед за Асейвил заявил: «Ты — мой поэт, а своих поэтов я знаю наизусть!» и потребовал все детские стихи для «Литературы и жизни», членом редколлегии которой он был, а как

раз в месяц), которые я вёл на общественных началах. Первые страницы открывали Маршак (с ним мы сразу очень сдружились, он любил мне звонить в общагу по ночам, читать новенькое и потчевать домашними разносолами), Чуковский (с ним мы остались в добрых, но прохладных отношениях), ну и, конечно, я... А иллюстрировали такие замечательные художники, как И. Семёнов... Этому начинанию последовали почти все газеты и взрослые журналы страны. На радостях я укатил во Владивосток, где сходил с тигролова-ма отлов тигра — поймали, а с корневщиками за женьшенем — нашли... проблуждав по тайге больше полутора тысяч километров пешком и на лодках-оморочках! (Я написал остро сюжетную повесть «Женьшень», главы из неё печатались на страницах «Огонька»).... Вернувшись, выяснил, что мои приёмные документы «пропали»... Смеляков пришёл в бешенство и поручил... «стучакам на общественных началах» (его излюбленное изречение!) выяснить, откуда уши растут — оказалось, из парткома Московской писательской организации!.. Шестой пункт меня вновь настиг!.. Пока Смеляков выяснял отношения с парторгом, у меня вышло в Москве ещё три книги лирики и для детей, да при моём участии родилась и воскресная детская телепередача «Будильник», где я был и автором, и ведущим, и выпускающим тоже на общественных началах... Лишь осенью 1962 года на Пленуме СП СССР в Большом зале ЦДЛ при дипломатах и иностранных корреспондентах я в числе двенадцати (Феликс Кузнецов, Генрих Боровик, Юлиан Семёнов, Игорь Виноградов, Лакшин, Войнович, Георгий Семёнов...) был принят в СП официально. Из поэтов — я, уже с четырьмя книгами, Белла Ахмадулина (старше меня на год) по вёрстке и великовозрастный турок Назым Хикмет!.. По-моему, наши портреты облетели чуть ли не все газеты мира!..

Рыльский не раз говорил мне: «Запомни, Саша, все мои друзья будут твоими, как и все враги...»

Идеологическая Комиссия ЦК КПСС, где я от души проехался по парткому Московской писательской организации, где, по меткому выражению В. Герасимовой, в основном и оседала вся не аппетит-ная «сурковая масса»... и ещё о том, что мне надоело родственникам по материнской линии, колхозникам, выхлопывать... паспорта!.. В результате ненадолго партком разогнали, членам партии предложили встать на учёбу в рабочие коллективы, считая, что не без моей помощи, крестьянам выдали паспорта!.. А я... «на пятилетку» попал в глухую лит-блокаду, которая длится и по сей день. Писатели — народ мстительный, особенно бездарные. Пять лет меня вовсе не издавали — жил чёрт-те знает где и вовсе без постоянной прописки, пока не опомнился, и в 1968 году пошёл на Старую площадь, чётко и точно высчитав, к кому именно. К нему, вероятно, никто никогда не обращался и поручил... «стучакам на общественных началах» (его излюбленное изречение!) выяснить, откуда уши растут — оказалось, из парткома Московской писательской организации!.. Шестой пункт меня вновь настиг!.. Пока Смеляков выяснял отношения с парторгом, у меня вышло в Москве ещё три книги лирики и для детей, да при моём участии родилась и воскресная детская телепередача «Будильник», где я был и автором, и ведущим, и выпускающим тоже на общественных началах... Лишь осенью 1962 года на Пленуме СП СССР в Большом зале ЦДЛ при дипломатах и иностранных корреспондентах я в числе двенадцати (Феликс Кузнецов, Генрих Боровик, Юлиан Семёнов, Игорь Виноградов, Лакшин, Войнович, Георгий Семёнов...) был принят в СП официально. Из поэтов — я, уже с четырьмя книгами, Белла Ахмадулина (старше меня на год) по вёрстке и великовозрастный турок Назым Хикмет!.. По-моему, наши портреты облетели чуть ли не все газеты мира!..

Рыльский не раз говорил мне: «Запомни, Саша, все мои друзья будут твоими, как и все враги...»

ЯКОВ ШВЕДОВ

МОЙ СТРОГИЙ СОСЕД И НАСТАВНИК

Подобное начало видится несколько традиционным, но так трудно и отойти от него. У меня хранится небольшой томик избранных произведений Николая Асеева, изданных в 1957 году. На втором листе форзаца экспромт:

У дядюшки Якова
Книг хватит про всякого.
Пускай и соседа
Хранится у Шведова.

Н. Асеев

1958 г. 21.III.

И подарил мне этот сборник поэт Николай Асеев. Еще в предвоенные годы мне накоротке приходилось встречаться с ним, быть у него и тоже накоротке дома, в

квартире на седьмом этаже. Встреча 21 марта 1958 года была чуть ли не предпоследней. Но мне запомнилась и самая первая встреча с ним ранней весной 1924 года в доме три на Покровке¹. Поздней осенью 1931 года я стал соседом поэта Асеева. Но вернемся к 21 марта 1958 года.

Я был дома один, работал. Вдруг кто-то резко и торопливо постучал в дверь, почти так просился в дом Алексей Крученых, изредка заходивший ко мне. Я распахнул дверь и в проеме увидел Асеева.

— Извините, сосед, что зашел без телефонного звонка. Необходим словарь Даля. Нужно уточнить и проверить одно лишь слово. У вас он имеется, мне говорил Крученых.

Я попросил Асеева пройти в комнату; пропуская его к столу, успел снять с полки четыре тяжелых тома словаря и положил на стол, отодвинул кресло, уступая соседу свое рабочее место. А он остановился у книжных шкафов, на полпути к столу. Его, возможно, несколько удивило обилие книг, приобретенных в основном еще до Великой Отечественной войны.

— А вы, сосед, как погляжу, библиофил. У вас довольно много редких собраний. И классики и приключенческие авторы подобраны совсем хорошо. Мне Алевин, — Николай Асеев имел в виду Алексея Крученых, — говорил о вашем книжном собрании, но несколько сбивчиво, бестолково, и трудно было с его слов представить подобное богатство.

Мой сосед сел за стол и неторопливо стал искать необходимое слово. А когда обрел и сделал выписку, попросил меня подняться к нему на седьмой этаж.

— Видите ли, сосед, — сказал он на лестнице, — почему я пригласил к себе? Мне предлагают приобрести

¹ Теперь — улица Чернышевского.

...Поздней осенью 1931 года Асеев вместе с другими писателями получил квартиру в новом доме по Камергерскому. Там же, ниже этажом, поселился со своей семьей и я. Встречаться с Асеевым мы стали гораздо чаще: по-добрососедски раскланивались и расходились каждый в свою сторону.

Однажды так случилось, что мы оба решили идти пешком на писательское собрание. По дороге Николай Асеев рассказал о смерти знакомого ему бобыля, наездника с ипподрома, и что ему волей-неволей пришлось от общественности участвовать при описи имущества. Конец рассказа был неожиданным: при описи в перине обнаружили довольно крупную сумму денег, которую и передали в госфонд.

Жила бездетная чета Асеевых несколько в стороне от жизни нашего дома, у нее был свой круг друзей и знакомых, но была у Асеева большая дружба с девочками и мальчишками нашего двора. Я видел, как он оделял их сладостями. Дети тянулись к нему, поэт ласково ерошил им волосы. Возможно, что в глубине души он радовался вместе с ними, но и тогда его лицо оставалось по-прежнему строгим.

В последние годы Асеев жил больше на Николиной горе, на даче, чем в Москве. Но и тогда молодые поэты торопились к нему дорогу, тогда он помог тульскому поэту Владимиру Лазареву в его поэтическом утверждении.

Это было зимою 1960 года: будучи в командировке на шахте Курской аномалии, я и познакомился с совсем молодым курянином — поэтом Александром Говоровым, приехавшим учиться в Москву из города Тима. А в начале 1942 года мне довелось участвовать в освобождении этого городка, захваченного фашистами осенью 1941 года.

В один прекрасный вечер в гостиничном номере мы

разговорились, я вспомнил о боях за Тим, это сблизило нас. А когда Говоров узнал, что я живу в одном доме с Асеевым, то признался, что с давних пор он думает о встрече с Николаем Асеевым один на один. И как было бы хорошо, если бы Асеев пригласил его к себе.

— Как-никак,— с напускной небрежностью сказал он,— мы земляки. Он из Льгова, а я из Тима.

Я пообещал помочь Говорову, когда вернемся в столицу.

Я не сомневался, что мой строгий сосед согласится на свидание с молодым поэтом-земляком. Встретив Асеева, я сказал ему о просьбе молодого поэта из Тима. Он попросил сказать Говорову номер его, асеевского телефона и что он в течение всей недели будет в Москве. Пусть позвонит.

И неожиданно на площадке, возле неработающего лифта, я встретил счастливого Александра Говорова, сходящего вниз.

— От Асеева? — спросил я.

— От него самого,— улыбаясь ответил тот.— Большое спасибо вам, если бы не вы, так запросто я и не посмел бы прийти к нему. Он просто, как говорится, очаровал. Слушал мои стихи. И хвалил, и ругал.

— В оценке твоих стихов, Саша, он был строг?

— Как это так? Он был добрым и отзывчивым. Он так на первый взгляд показался мне строгим, а в жизни, дома — совсем другой.

Да, он был неулыбчивым и строгим по виду, но всегда оставался отзывчивым и чутким. И если бы он был только неулыбчивым и строгим, то навряд ли еще в 1924 году одобрил бы мои поэтические опыты: он знал, как бедствуют начинающие; если бы он был неулыбчивым и строгим, то навряд ли вступил бы в переписку с

поэтом-туляком Владимиром Лазаревым и, наверное, не пригласил бы к себе поэта-курянина Александра Говорова.

Он любил родину, жизнь и поэзию, которой был верен до конца жизни. Годы идут, мало осталось в живых моих друзей-молодогвардейцев, но живые не забыли, что в одно время их строгим наставником являлся человек большой души — взыскательный и строгий поэт Николай Николаевич Асеев.

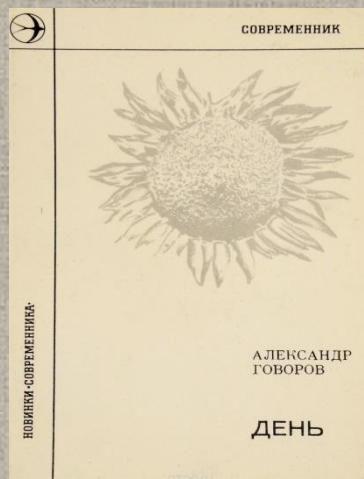
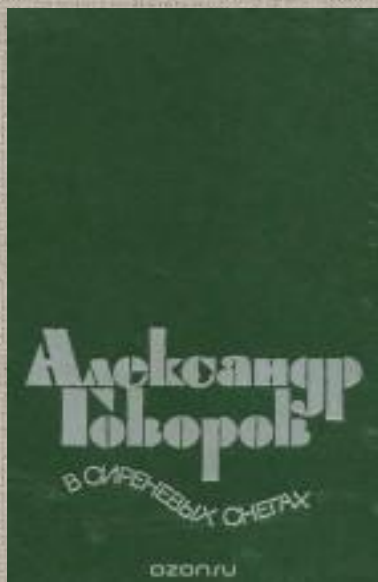

ДМ. МОЛДАВСКИЙ

ПОЭЗИЯ И ФОЛЬКЛОР

Мне трудно писать об Асееве. Трудно, потому что этот поэт принадлежал к той великой плеяде, которая начинала искусство социалистической страны: Маяковский, Мейерхольд, Шостакович, Эйзенштейн, Пудовкин... Рядом с ними — Николай Асеев. Он был с великими, был великим. Как и для них, революция была тем кислородом, который бушевал в его легких. Он для меня был всегда «Николаем Асеевым» и в меньшей степени «Николаем Николаевичем», хотя последние три-четыре года его жизни мы дружили. Разумеется, я не принадлежал к числу его самых близких друзей, но бывал в доме у Н. Асеева, мы переписывались, у нас были общие знакомые, и мне хочется рассказать то, что помню о поэте.

Книги А.А. Говорова

«Калитка»

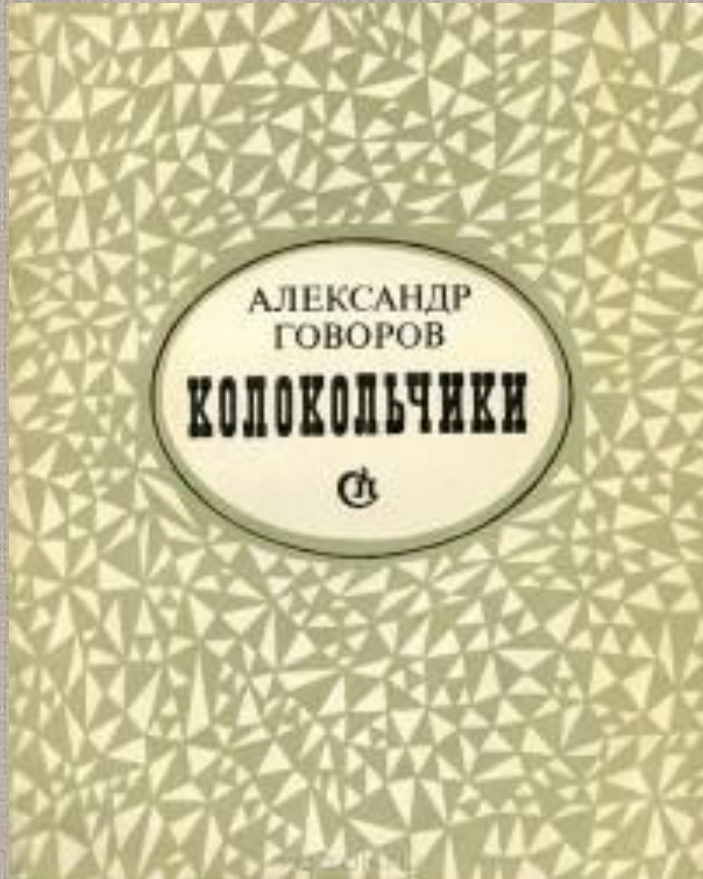
- В книгу стихов Александра Говорова вошли произведения, написанные им за тридцать лет творческой деятельности, из книг: «Веснянка», «Тимгородок», «Беседа», «Сеятель», «Курский соловей», «Калитка» и т. д.

«Курский соловей»

- Поэзия Александра Горова родственна фольклорным истокам русского народного слова. В книгу вошли произведения из многих сборников поэта.

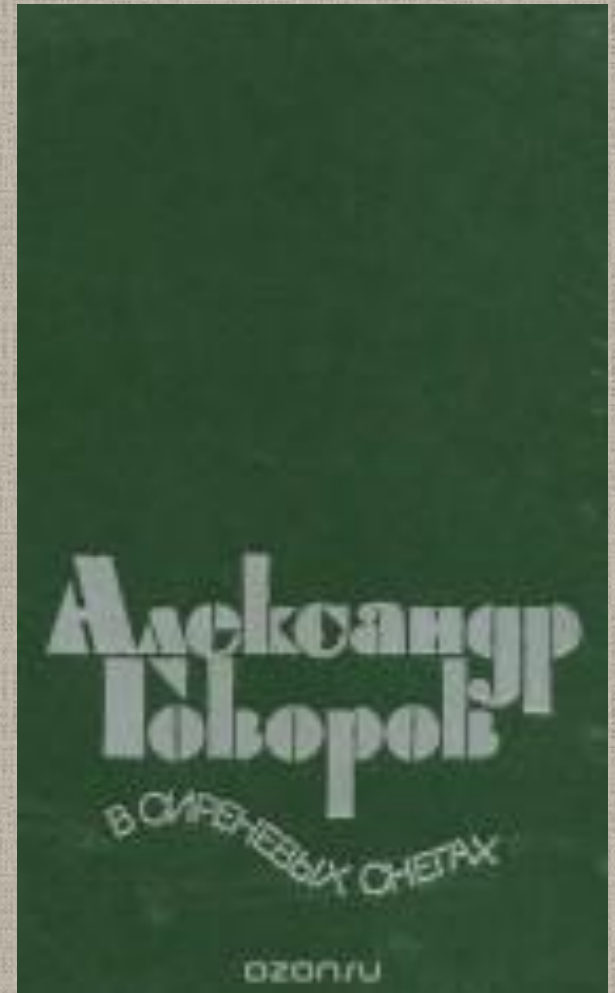
«Колокольчики»

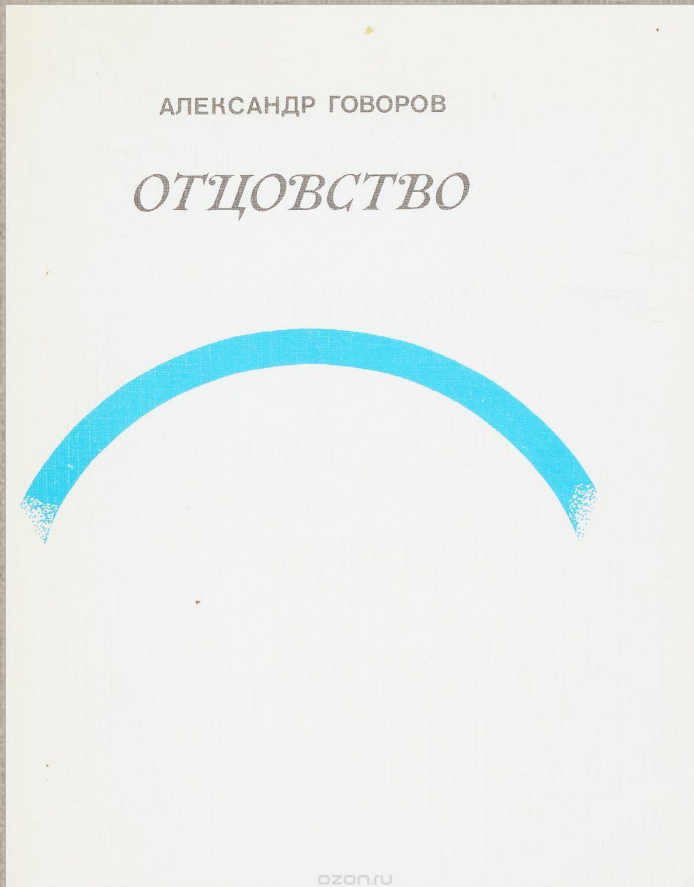
- Предлагаем вашему вниманию стихотворный сборник А. Говорова "Колокольчики", включающий стихи, написанные поэтом за последнее время. Многие из них посвящены родным курским краям, людям и природе отчего края. Читатель найдет в книге произведения, продиктованные памятью войны, строки о любви.

"В сиреневых снегах"

- "В сиреневых снегах" - первая прозаическая книга Александра Говорова известного читателям по многим поэтическим сборникам. Проза его, так же как и стихи, проникнута тонким лиризмом и чувством светлой любви к Родине.

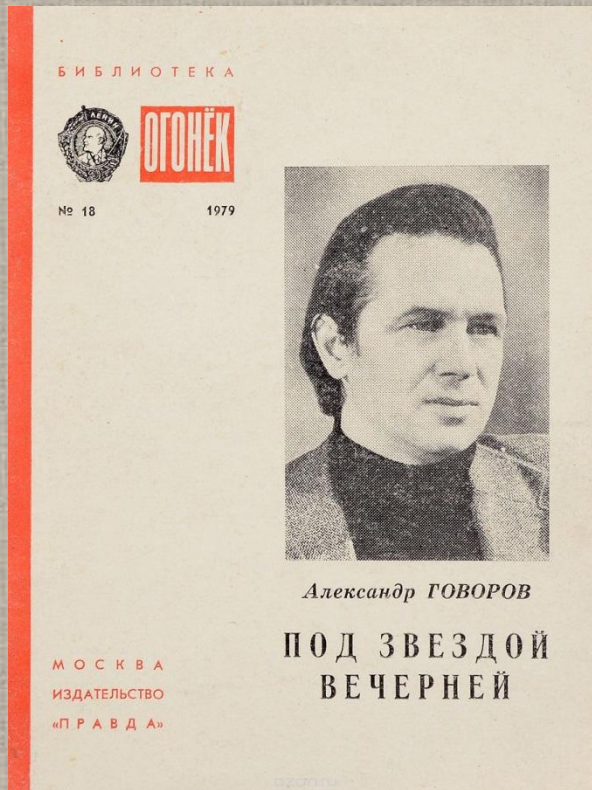

«ОТЦОВСТВО»

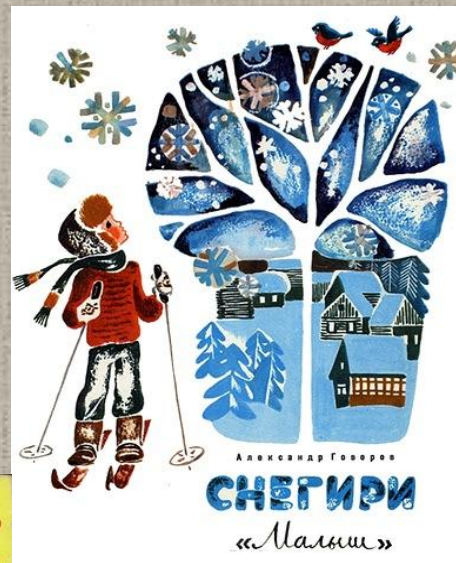
- В новой книге Александр Горов продолжает свою основную тему - рассказ о поколении, детство которого пришлось на военные годы. Эти трудные годы врываются памятью всеобщее бытие, наполняя его чувством ответственности за каждый прожитый день. Лирические стихи поэта яркие по языку, по образному рисунку, речевая манера легкая, раскованная. Наряду с этим Горов пробует себя в таком строгом жанре, как венок сонетов.

«Под звездой вечерней»

- Вашему вниманию представлен сборник стихов Александра Говорова "Под звездой вечерней". Первое стихотворение А. Говоров опубликовал в 1956 году в областной газете "Молодая гвардия".

Книги для детей

«Во все глаза»

- Стихи, поэмы и сказки известного советского поэта знакомят ребят с окружающим миром, рассказывают о красоте природы, о делах добрых людей, воспитывают чувство преданности и любви к родной земле.

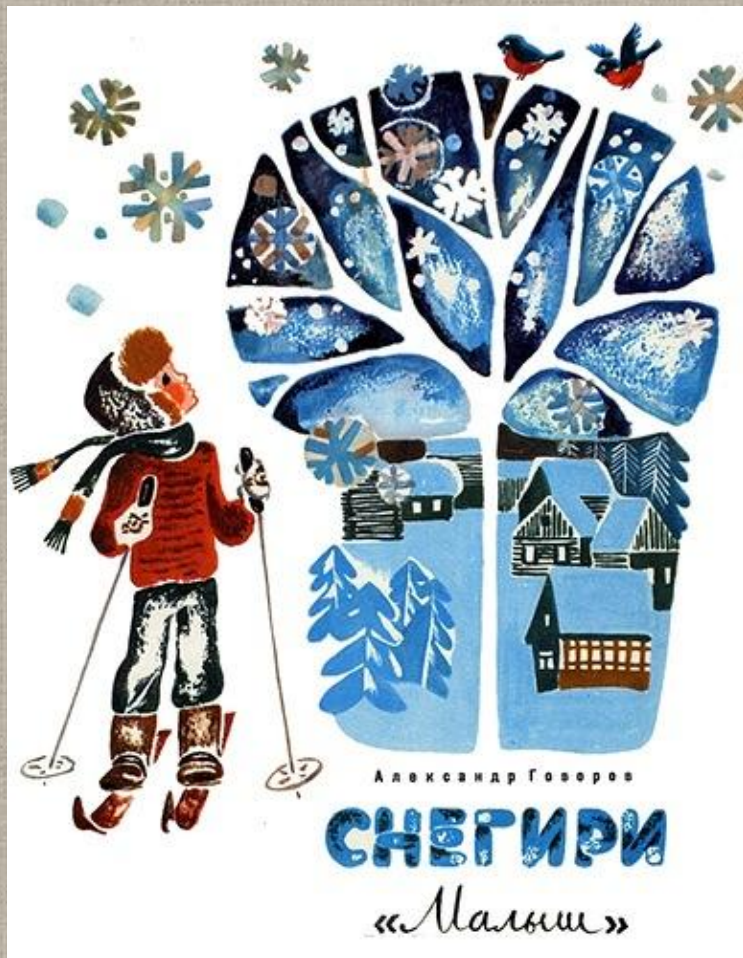

«Русский чай»

- Поставь на стол -
зафыркает,
Заговорить заставит.
Он как живой,
Мурлыкает,
Себе же подпевает.
И сразу дом
наполнится
Подсохшей
земляницей
И жар бежит по
горнице
Тончайшей повиликой.

«Снегири»

«Лесной колокольчик»

Печальная весть

- Печальная весть пришла из Москвы: там на 73-м году жизни скончался известный поэт и прозаик Александр Александрович Говоров.